

Какие это были глаза — глубокие и величественные, но настолько пугающие, что Чжоу Цзюнь замер на месте, не смея отвести взгляд, и смотрел на того человека несколько долгих секунд.

Лишь когда Ширли Чэнь бросилась к окну, ее плач заставил его очнуться. Он схватил одежду и побежал, но, пересекая лес, словно под действием какого-то наваждения, обернулся и снова встретился взглядом с тем мужчиной.

Мелкий дождь не прекращался, туманный, как дым, но настолько ясный, что черты лица — глаза, брови, губы и нос — словно обжигали его сердце. Чжоу Цзюнь был в панике. Музыка вокруг стихла, он уставился на бокал с вином и вдруг сел на пол, позволив красной жидкости разлиться по себе.

Он знал этого человека.

Юн Цзинь.

Знаменитый генерал-майор Юн. Чжоу Цзюнь знал о нем, но Юн Цзинь не знал его. Слухи об этом генерал-майоре ходили повсюду. Говорили, что у него множество поклонниц, что он любитель романтики и цветов. Но также он был известен своей жестокостью и решительностью, совершая громкие поступки.

Когда няня стирала его одежду, Чжоу Цзюнь разговаривал по телефону с Ширли Чэнь. Он не знал, что невольно ввязался в опасную историю. Ширли Чэнь хотела изменить Юн Цзиню, а он стал ее козлом отпущения.

Ширли Чэнь извинялась по телефону, говоря, что Юн Цзинь уже знает его имя, и советовала быть осторожным или уехать за границу.

Отец Чжоу Цзюня был обедневшим немецким аристократом, а мать — известной светской львицей. Хотя их семья выглядела благополучной, сам он, ведя разгульный образ жизни, давно ушел из дома. Когда он вернулся после учебы за границей, старший брат, который теперь управлял делами, не одобрял его беспечности, лишь выделяя ежемесячные средства на его расходы и избегая встреч.

Теперь, ввязавшись в историю с генерал-майором Юном, он понимал, что это большая беда, и брат вряд ли станет его защищать. Чжоу Цзюнь надеялся, что Ширли Чэнь не так важна для Юн Цзиня, или что, учитывая вклад семьи Чжоу в дела генерал-губернатора Юна, его оставят в покое.

Он провел несколько дней в страхе, отменив все встречи с подругами.

Обычно только няня приходила убираться в его доме. Чжоу Цзюнь любил веселье и женщин, наслаждаясь их пышными платьями, ароматными волосами и губами, накрашенными помадой. Теперь, лишенный их общества, он слышал только голос няни, называвшей его «господин Чжоу», и страдал.

Он чувствовал себя Аполлоном, лишенным солнца, больше не мог быть светлым, красивым и счастливым. Чжоу Цзюнь был крайне самовлюбленным, и, заточенный дома, он часто смотрел в зеркало, любуясь своим лицом.

Так что вполне естественно, что он начал доставать из шкафа разрозненные вещи, которые, казалось, еще хранили тепло и аромат прежних владельцев.

Сначала это было просто забавой. В спальне с закрытыми шторами, при слабом свете, он накрасил губы помадой. В детстве он целовал хорошенькую служанку в укромном уголке дома, и его губы были покрыты бледно-розовой помадой. Тогда мать заставила его стоять на коленях в родовом храме. Теперь, когда никто не мог его контролировать, и он не мог воровать поцелуи, он сам накрасил губы, чтобы утешиться.

Чжоу Цзюнь был изысканно красив, с тонкими бровями и длинными глазами, унаследованными от матери. Только цвет его глаз был необычным — преимущественно голубой, с примесью серого. Женские краски на его лице не выглядели слишком странно. Он трогал свое лицо, считая его привлекательным.

Попробовав помаду, он накрасил ногти. Его бледные, редко видящие свет ступни и тонкие пальцы были покрыты нежно-розовым лаком. Чулки и кружевные застёжки слегка щекотали его бедра.

Сердце Чжоу Цзюня билось быстрее. В лунно-белом халате, подняв его подол, он крутился перед зеркалом, рассматривая себя. Полужелтый, полукрасный свет очерчивал его фигуру, чулки покрывали колени, а прямые ноги казались слегка размытыми.

Наигравшись, Чжоу Цзюнь вытер помаду с губ, но не до конца, оставив розовый оттенок. Положив платок, он собирался снять кружевные застёжки, державшие чулки.

Он сидел спиной к двери спальни, на мягком коричневом кресле, ноги были удобно расположены, и он уже собирался снять чулки, как вдруг дверь распахнули двое военных. Свет из открытой двери ударил в глаза, и Чжоу Цзюнь поднял руку, чтобы прикрыться. В углу зрения он увидел высокого человека, который вошел с уверенной и развязной походкой.

Человек был элегантен, в перчатках он держал длинный кнут, пальцем слегка приподнял край фуражки, осматривая комнату и ее обитателя. Когда Чжоу Цзюнь привык к свету, он увидел лицо — те самые глаза, которые вызывали у него тревогу. Это был его враг — генерал-майор Юн.

Чжоу Цзюнь незаметно поджал ноги, опустил халат, словно пытаясь спрятаться. Он повернулся спиной к вошедшему:

— Господин военный, врваться в чужой дом — это не по правилам.

Его рука скользнула по разбросанным на столе вещам, опрокинула металлическую баночку с помадой в виде розы, перескочила на смятый платок, и он нащупал железную коробку.словно ища утешения, он схватил ее и поспешно поднес к себе, но рукавом смахнул лак для ногтей. Не закрытая крышка покачнулась, и содержимое вылилось.

Жидкость потянулась липкой нитью по краю стола, медленно скатываясь на пол, где брызнула на чулки, обтягивавшие дрожащие лодыжки, оставив мелкие капли.

Он достал из коробки сигарету, дрожащими пальцами поднес ее к губам. Чжоу Цзюнь опустил глаза, пока высокий военный не подошел к нему вплотную. Кто-то включил свет, и комната мгновенно осветилась. Чжоу Цзюнь инстинктивно зажмурился, затем медленно открыл глаза. Он снова увидел перед собой этого человека, и его серо-голубые глаза, держа сигарету, вытянулись в натянутой улыбке.

Тот сделал жест, и двое слуг вышли, закрыв дверь. Юн Цзинь, осмотрев комнату, спокойно сел на единственную кровать. Красное дерево с резными панелями, множество мягких подушек —

кровать была очень удобной. На тумбочке стояла табакерка из нефрита в форме сердца, оправленная в серебро.

Чжоу Цзюнь любил роскошь, и все здесь было дорогим. Юн Цзинь взял табакерку, слегка вдохнул и, словно затеяв разговор, произнес низким голосом:

— Тот мужчина в комнате Ширли той ночью — это был ты?

Чжоу Цзюнь зажег сигарету, стараясь сохранить спокойствие, затянулся и задумался, как выбраться из ситуации. Вскоре он почувствовал взгляд, скользящий по его ногам. Он поменял позу, и край халата раздвинулся, обнажив чулки.

То, что он пытался скрыть, теперь было выставлено напоказ. Чжоу Цзюнь был человеком без особых принципов, умел приспособливаться. Именно поэтому он не раз попадал в неприятности, но всегда выходил сухим из воды.

На его лице появилась улыбка. Он вспомнил актеров, которых видел раньше, и добавил в выражение немного лести:

— Хотя это так, господин Юн, вам не стоит беспокоиться. Я... не люблю женщин, правда.

Юн Цзинь сидел на кровати, его взгляд скользил по чулкам, затем поднимался к лицу Чжоу Цзюня. Кожа была очень белой, помада не до конца стерта. Мужское телосложение, но пропорциональное. Халат был надет небрежно, обнажая грудь, бедра и кружевные подвязки. Это был развратный мужчина, сам того не осознавая.

Чжоу Цзюнь чувствовал себя неловко под таким взглядом. Он потушил сигарету и, пытаясь исправить ситуацию, подтянул халат. Ткань обтянула его ноги, собравшись складками на коленях. Затем Юн Цзинь достал пистолет и, словно в шутку, направил его на него.

Инстинктивно Чжоу Цзюнь вскочил со стула, чтобы бежать. Страх овладел им, и он бросился к двери, едва коснувшись холодной ручки. В следующий момент рука в белой перчатке опередила его, щелкнув замком. Дверь была заперта. Чжоу Цзюнь успел лишь коснуться перчатки, ткань была грубой.

Он отдернул руку, но его прижали к двери сзади. Он оперся на дверь, поддерживая себя. Чжоу Цзюнь тяжело дышал, пот стекал по краям его лица, блестя на свету.

<http://bllate.org/book/16825/1547218>